

СЕМИПАЛАТИНСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ИГРАЕМ МЫ ИЛИ ИГРАЮТ НАМИ...

Несколько лет назад один российский поэт – кажется, из Майкопа – печатал в «Литературке» серию любопытных заметок. Мне показалось оригинальным его остроумное определение поэзии, как игры в смыслы. Сначала я думал, что за иронией ничего нет – автор просто шутит. А потом «зацепило» – а ведь он в чём-то прав. Но чтобы играть в смыслы, необходимо ими обладать, чувствовать их, улавливать малейшие полутона, делать открытия. И ещё понять, что в слове «игра» в данном случае нет ничего уничижительного. Играющее дитя не унижается и не унижает. Поэт ему сродни. А графоману, даже если он является ушлым версификатором, это не дано. Как же всё просто.

Наш язык – да и не только наш – под влиянием технического прогресса, увы, подчас изменяется не в лучшую сторону. Он уплощается, упрощается, теряет глубинные значения, становясь поверхностным информативным придатком, этот самый «прогресс» обслуживая. Тут одна надежда – на поэтов. Ведь поэзия, по мнению Иосифа Бродского, есть высшая форма существования языка. Впрочем, нобелевский лауреат здесь не оригинален. Ещё Абай писал: «Поэзия – властитель языка». Похожие мысли можно найти у стихотворцев разных эпох.

Поэты нашего города вовсю поглощены сакральной творческой игрой. Они сталкивают смыслы между собой, смешивают их в воображаемых колбах-формах, порой не ведая о конечном результате. Алхимия слова даётся нелегко – и степень мастерства у всех разная, и жизненный опыт сугубо индивидуален. Но есть ещё такая штука – воображение. Оно досталось нам от детства. Поэту без него никак. Именно оно определяет способность к творческому полёту. Графоман же за полёт выдаёт неуклюжее подпрыгивание. Но такие в нашем литобъединении-клубе «Иртышские огоньки», как правило, не задерживаются. Либо пребывают на третьих ролях или становятся просто слушателями. А есть в нашем граде поэты, которые к нам вообще не приходят. Пишут себе и пишут. Порой очень даже неплохо. Но мы с ними общаемся. И тут всё просто.

Большинство авторов из представленной подборки уже печатались на страницах «Простора». Дебютирует один Александр Самуков. Он стоял у истоков бардовского сообщества Семипалатинска – «Ключ». Пел чужие песни, но писал и свои стихи. Именно стихи, а не тексты. Они по-мужски жёстки, бескомпромиссны. Сам Александр – тоже человек принципа, с обострённым чувством правды.

Вадим Син тоже когда-то начинал в «Ключе». Как и Татьяна Мирошникова. Есть у него и свои песни. Но в чисто стихотворном плане он – лаконист. Недаром любит старых китайских поэтов и Омара Хайяма, не склонных к большим объёмам стихотворного вещества. Правда, ему ещё нравится Николай Гумилёв, но влияние последнего в творчестве Сина пока не прослеживается. Его миниатюры скорее похожи на китайские рисунки цветной тушью. В них удачно соединилось старое и

новое. У Вадима оригинальный взгляд на поэзию. Он совершенно серьёзно считает, что мастеровитость часто вредит пишущему, ибо убивает первозданную чистоту и непосредственность. Мысль умная и отчасти верная. Но с опытом приходит мудрость. А она выше природного ума. Как гора выше холма. И здесь всё просто.

Татьяна Мирошникова довольно популярна на некоторых интернет-сайтах. Стихов, там размещённых, вполне хватило бы на нормальный сборник. Всё же традиционная бумажная публикация на книжной или журнальной странице благодней, теплей, интимней и естественней. Не отмечая виртуальные возможности Интернета, я всё же за то, чтобы человек пишущий хотя бы иногда мог согреть страницу со своими стихами теплом своих же ладоней. Просто, не правда ли? В строчках Татьяны Мирошниковой есть своя динамика и живописность. Автор стремится к точности образа, но не забывает и о нюансах.

Этих самых «нюансов» – через эмоции – предостаточно у Маргариты Ивашиной. Она счастливо пребывает в состоянии влюблённости, что видно по некоторым её стихам. Журналист по профессии, Рита лирик в душе. И чаша лирики явно перевешивает. Хорошо это или плохо? Ни то ни другое. Принимайте сие как данность и порадитесь за иртышанку.

Сергей Ерошенко не слишком «вписался» в нынешнюю действительность. Он во многом ещё в прошлой эпохе, но только в лучшем её секторе – там, где царят не пошлость и деньги, а дух товарищества, бескорыстие и романтика. К настоящему времени он иногда относится недоверчиво и даже придиричиво. Но согласитесь, приторность и умиление – не удел поэта. Сергей честен перед своей музой и самим собой.

Игорь Алексеенко не так давно переехал в Россию, обосновавшись в селе, совсем рядышком по нынешним меркам от границы с Казахстаном. Но он постоянно поддерживает с нами связь. Игорь с удовольствием публикует свои стихи на сайте нашего Воскресенского храма. Пожалуй, он единственный из нас, кто может назвать себя православным поэтом – подавляющее большинство его стихов имеют явный христианский вектор. Игорь как-то признался: «Я не знаю, что это такое – писать стихи. Они сами приходят ко мне». Это осознание собственного творчества многого стоит.

Николай Кульгускин, столярных дел мастер, появился в литобъединении самотёком и как-то почти сразу «прижился», стал в доску своим. Я не зря сделал акцент на специальности Николая. Некоторые свои стихи он иногда записывает на тончайших деревянных плашечках – срубках. Не выбрасывать же столь полезные вещицы в утиль. Гораздо приятнее сделать их предметами искусства. Николай Кульгускин тяготеет к ироничности. Философия с улыбкой – совсем неплохое сочетание.

Стихотворение – всегда живой организм. А поэт – обязательно сотворец с Богом. Выпущенные на свет стихи начинают жить собственной жизнью, совершенно от родителя-поэта независимой. И вот тогда-то в нашей реальности начинает происходить нечто фантастическое. Уже написанные строки воздействуют и на читателей, и на автора. Я упоминал в начале своей небольшой статьи о том, что поэзия – это игра в смыслы. А кто сказал, что она ведётся в одни ворота? Но уж лучше обогатить свой микрокосм поэтической кометой, чем запустить туда убогий астероид-убийцу из низкопробной телепередачи. Не всё так просто в этом мире. Ой, не всё.

Александр

Самуков

* * *

Били вора в торговом ряду,
Пока кровью не начал плевать.
Нет, видать, на свою, на беду
Вор сегодня полез воровать.
Бил хозяин за сала шматок.
Бил слегка, знал – еще поддадут.
И за прошлые траты и впрок,
За все то, что потом украдут.
Два здоровых впряглись мужика.
От души приласкали его.
А чего... коли дура-рука
Так и тянется вдарить кого.
Худосочный помог мужичок,
Не давал пареньку отползти.
Потерял мужичок пятак,
Так хоть душу сумел отвести.
А народец в толпе прибывал
И от драки хмелел без вина.
Тот, кто сам часто битым бывал
И кому изменяет жена...
У кого что ни год – новый рот,
Или брат помирает в бреду...
За болячки и за недород
Били вора в торговом ряду.

* * *

Александр Галичу

1.

Когда устану быть и слыть
И странствовать в миру.
И стану одиноко стыть
И гнуться на ветру...
Там на ветру, там на юру,
Доверчиво горда,
Гори, гори, моя звезда...
Негромкая звезда...

2.

Споткнуться, упасть, не подняться.
Зудит на плечах голова.
По улице, словно по плацу,
По длинному серому плацу –
Ать-два.
Я знаю, что все это придурь,
Напетые кем-то слова.
Оденусь, на улицу выйду,
На людную улицу выйду.
Ать-два.
И это заучено прочно.
И это забыть не моги.
И если встается мне ночью,
Некстати встается мне ночью,
Встается мне с левой ноги.

А город шалел от акаций,
А город чудил, как в бреду.
И надо любить и смеяться.
Как в детстве любить и смеяться.
А я, как по серому плацу,
По длинному серому плацу
Себя под конвоем веду.

И, может, во многом я грешен,
Но если уж дело к концу,
То пусть я не буду повешен,
Как вор и ханыга повешен,
А пулей убит на плацу.

Но прежде, чем к доброму Богу
Приду, с запоздалым «прости»,
Хочу хоть немного не в ногу,
Не в ногу... Не в ногу...
Не в ногу...
А просто по снегу пройти.

* * *

Вот и все... Каблучки простучали...
Я иду, вспоминаю в пути,
Как она улыбнулась печально
И как я не посмел подойти.
Уходила. Ни гордые плечи,
Ни спина мне не подали знак.
Может, эта случайная встреча
Беспольный, ненужный пустяк...

Может быть, скоро время укроет
Каблучки, беспокойство мое.
Только сердце все ноет и ноет
От случайной улыбки ее...

* * *

Дай, Боже, нам, когда солгут,
Поверить этой лжи,
И не на несколько минут –
Уж верить, так на жизнь.
На жизнь, на жизнь. На вечный срок.
На злые январь.

А ты бы мог? А я бы мог.
Ты только мне наври.
Ты мне наври покрасивей,
Раскрась поярче ложь,
Чтоб грелся ложью я твоей,
Когда ты вдруг уйдешь.
Когда уйдешь в неясный день,
В шальные миражи.
Уйдешь совсем. Оставишь тень.

Печаль прекрасной лжи.
Ни мелочной, ни доходной
И не доходной лжи.

Она останется со мной.

Ты смог бы так, скажи...

Дай, Боже, нам, когда нам лгут,

Поверить в эту ложь.

И не на несколько минут,

А в ложь, пока живешь.

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

В старом парке, грустном очень,

Что любил шуметь листвою,

Жил, один меж многих прочих,

Лист с прекрасною мечтой.

Ведь еще зеленой почкой,

Что едва с ветвей глядит,

Лист мечтал и днем и ночью,

Что, сорвавшись, полетит.

Лист мечтал, как он закружит

Между небом и землей.

Чем, скажите, листья хуже

Птиц осеннею порой.

Он молился ветру: «Хочешь

Посмотреть, как я лечу?

Я не то, что лучше прочих,

Просто я летать хочу».

И должно быть самым первым

Он с ветвей сорвался вниз.

И был счастлив он, наверно,

Этот сумасбродный лист.

Лист упавший счастлив, нет ли...

Ведь короче дня любви

Был тот вальс от нижней ветви

И до краешка земли...

* * *

Прошла зима... Еще зима.

О, эти зимы как несчастья...

О, эти зимы как причастья...

Январь-пожар,

февраль-зола.

Пришла весна, опять весна...

О, эти весны, эти весны...

Они приходят слишком поздно...

Как жизнь без зла.

Как ночь без сна.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Три женщины, которых я любил...

Где вы теперь? Довольны ли судьбою?

Я больше вас не мучаю собою,

Три женщины, которых я любил...

Три тайны, три недолгих забытья.

Несхожие, вы были так похожи,

Что иногда мне кажется, о Боже, –

Любил всю жизнь одну и ту же я.

Три женщины, которых я любил...

Неважно, кто из вас мне ночью снится...

Я путаю и голоса, и лица.

Три женщины, которых я любил...

Три тайны, три недолгих забытья.

Несхожие, вы были так похожи.

Но никогда не снились мне, о Боже,

Три женщины, любившие меня...

* * *

Ухожу я от старых песен.

Ухожу я от старых истин.

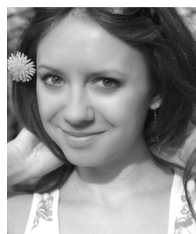
Я им больше не интересен.

Я стал взбалмошен и капризен.

Я стал взрослым, скучным и нервным.
 Долго шел я и вышел в люди...
 Но любовь остается первой
 И другою уже не будет.
 Она дальше, она невнятной.
 Она призрачнее и меньше.
 И с годами все непонятней
 Непонятная тайна женщин.
 Я спокойно живу и мерно.
 Сердце жизнь понемногу студит...
 Но любовь остается первой
 И другою уже не будет.

* * *

Не беда... Беда... Беда...
 Что такое нынче время,
 Что недобро смотрит в темя
 Путеводная звезда.
 Не беда, друзья, и то,
 Что собрались мы, как птицы,
 В край чужой переселиться,
 Разорив свое гнездо,
 И что нас кого куда
 Разнесет по белу свету.
 И что были мы и нету...
 Не беда...
 Беда...
 Беда...

*Маргарита**Ивашина*

СНАЧАЛА

Я была у солёного моря,
 Я искала тебя у причала,
 После вновь пережитого горя
 Мы опять начинаем сначала.
 Я рассеянно прятала слёзы
 И не верить, как раньше, пыталась.
 Говорила, что всё несерьезно,
 Но на сердце твоём оставалась.

Я брала твою руку несмело
 И несмело тебя целовала...
 До тебя я любить не умела,
 А с тобой даже вечности мало.

РУБАИ О ВЛАСТИ

Есть власть, и для людей она,
 Что чаша, до краев полна,
 Но часто с обретеньем власти
 Ты опускаешься до дна.

ПОДЛИННОЕ

Ты не умела жить ни капли!
 В тебе мечтала даже тень!
 Но по болотам гордой цаплей
 Бродила ты и ночь и день.
 Не замечая топких пятен,
 Не веря в грязное нутро,
 Дышала мира ты проклятьем
 На перевернутом таро.
 Хлестала пыль, и сердце злилось,
 И рай души смывала ложь,
 И быть жестокой ты училась –
 Такой, чтоб пробирала дрожь.
 За годом год, уже не глядя,
 Но зная, в чьей грязи идешь,
 Ты затирала много пятен,
 Оставив те, что не сотрешь.
 Сегодня с гордостью бездумной
 На пройденный ты смотришь путь.
 Так долго ты была безумной!
 Теперь пора легко вздохнуть.
 Ты со спокойным смотришь сердцем
 И с грустью пережитых дней
 Глядишь, как жизнь кружат коленца
 Средь одиноких тополей.
 И в этот миг, быть может, вспомнишь
 И не забудешь никогда,
 Какой жила ты в мире сонном,
 Какой когда-то ты была...
 И, проклиная мир и вечность,
 Ты рваться станешь на куски.
 Тебя не сломит быстротечность –
 Она и есть твои тиски.

*Сергей
Ерошенко*

И еще неразгаданы тайны Тибета,
И манят чистотою Антарктики льды.

Есть еще на Земле
нераскрытые тайны.
Первозданной природы целы уголки.
Значит, вам не пристало
лежать на диване,
Собирайте в дорогу свои рюкзаки.

ПРОНЗАЕТ ГУБИТЕЛЬНЫЙ ХОЛОД...

Пронзает губительный холод
Заблудшие души насквозь...
Весь мир разделён и расколот,
Всё больше живущих поврозь..

Всё меньше живого общенья,
Закованы многие в клеть...
И жизнь без Любви и движенья
Все больше походит на смерть...

Как воины тьмы, мониторы
Глощают народы гуртом.
И скоро земные просторы
Навеки покроются льдом...

МАЛЬЧИШКАМ

Об азарте открытий
вам часто мечталось
Новых Азий, Америк,
Австралий, Европ...
А вокруг говорят, что уже не осталось
Неоткрытых вершин
и нехоженных троп.

Только это неправда –
Земля необъятна!
Значит, рано гасить
путешествий азарт.
Не закрашены полностью белые пятна
На листах современно
раскрашенных карт.

Есть еще острова неоткрытые где-то,
Есть дворцы Атлантиды
под толщей воды,

Даль в дорогу зовет,
о которой мечталось.
Воплощайте мечты –
поскорей за порог!
И не верьте словам,
что нигде не осталось
Только вам предназначенных
новых дорог!

ПУСКАЙ ДРУГИЕ МЧАТ

Делами заморочены,
Куда-то держим путь...
А может быть, с обочины
Сойти и отдохнуть.

И в небо величавое
Поднять усталый взгляд.
За деньгами и славою
Пускай другие мчат.

Другие пусть морочатся
И борются за трон...
Ну разве вам не хочется
Пройти под сенью крон.

Вдохнуть тугими легкими
Дыхание лугов.
Со стройными березками
Поговорить без слов.

Воды черпнуть ладошкой
Из чистого ключа
И песню спеть хорошую
Под музыку ручья.

И в миг, когда за тучкою
Откроются холмы,

Порадоваться лучику,
Блеснувшему из тьмы.

И боль, что душу мучила,
В лучах рассвета сжечь.
И все, чем жизнь навьючила,
Навеки сбросить с плеч.

О БОРЬБЕ СО ЗЛОМ

Пулей, палкой, кулаком
Мы ведём борьбу со злом.
Но не стало меньше зла,
Зла кривая возросла.
Ведь, борясь жестоко с ним,
Сами зло мы и творим.

О ВРЕМЕНА!

Творит жестокие деянья
Нередко властный человек,
Твердя народам в оправданье,
Что виноват жестокий век.
Наводит страх жестоким нравом.
Им ужасается страна,
Но он себя считает правым
И обвиняет времена.
Но как всегда приходят сроки
И время свой выносит суд:
Не времена, увы, жестоки.
Жестоки те, кто в них живут.

*Татьяна
Мирошникова*

* * *

Я всепрощение своё
на время спрячу в закрома.
Когда по правой кто-то бьёт,
не дам по левой, а сама

Отвешу плюху подлецам,
чтоб неповадно было впредь.
икто не станет отрицать –
не всё положено терпеть.

Не дам топтать, не дам под дых
непозволительно лупить
Пусть жалкий визг и злоба их
самих загонит в свой тупик.
Доколе хамства гадкий шквал,
доколе наглости разгул?
Момент нешуточный настал,
заветы все перечеркнул.

Богато дряни развелось.
Всему на свете есть предел.
Вскипает праведная злость,
хоть Бог терпел и нам велел.
Пусть мой язык сегодня груб,
пусть разум гневом воспалён.
«За око – око, зуб за зуб» –
порой единственный закон

Кому бесчестье – кровный брат,
дарю презрительный прищур.
Но... каждый в чём-то виноват.
Перегорю – и вновь прощу.

ДОБРАЯ ВЕРБА

Свежесрезанные вербы
на столе в хрустальной вазе.
За окном повеса-ветер,
хулиган степной, проказит.
Дует-гонит сор весенний
и вздымает тучи пыли,
Чтоб мы местонахождение
своё не позабыли.

Прикрывая от порывов,
против ветра мы упрямо,
В три погибели согнувшись,
понесём сегодня в храмы
Стебли вербы-краснотала,
серебристые помпоны,
Как бы ветром ни трепало
городок наш запылённый.

Будут в храме песнопенья,
                        колокольные трезвоны,
В это чудо-воскресенье
        всяк душою просветлённый,
Повинимся перед Богом,
        о грехах своих жалея, —
И в обратную дорогу,
        в круговерти суходея.

Как жаль, что порой
                        удручает нас скучная
Житейская серость — угрюмая, злая.
Мышиные полчища возьтятся тучами.
А впрочем...
        За что я мышей обижаю...

МЕДОВЫЙ СПАС

Запах вербы освящённой
        принесём с собой в жилища.
Пусть за рамою оконной
        оголтелый ветер свищет.
Дома в свете и покое
        мы помолимся о главном
И очистимся душою
        в этот праздник православный.

Как пронзительна сегодня
                        синева небес!
На ладони пчеловода
                        сот пчелиных срез.
В геометрии природной —
                        волшебство пчелы.
Золотистые кристаллы — грани и углы.

СЕРЫЙ ЦВЕТ

Как много прекрасных
                оттенков у серого...
Приятных для глаза,
ласкающих взоры.
В могущество цвета
нетрудно уверовать,
Любуясь на сумрак —
        под вечер который.
На дымку топаза, на тучу свинцовую,
Сулящую дождь
после пекла дневного.
На кошку, что выгнула спину
        подковою
И вздыбила шерсть —
        распушилась подкова!

Капли меда янтарями падают в бидон.
Раздается над лугами
                колокольный звон.
Сколь целителен и вкусен
                освящённый мёд!
К водосвятию православных
                колокол зовёт.
Там, за пасекой, церквушка —
                дерево, уют.
Богомольные старушки туески несут.
Благодати волны льются
                из счастливых глаз.
Золотые пчёлки выются.
        То — Медовый Спас.

Причудливы тени ветвей — иероглифы
На стенах домов в круге яркого света.
Как будто их выписал кто-то заботливо
Ночную порой краской серого цвета.

По-особенному как-то
лики зрят с икон.
Распылен лучом сквозь окна
                золотистый фон.
Помолюсь святым иконам,
                к каждой подойду,
Ведь когда-то их писали
                краской на меду.

Вечерних нарядов шелка благородные
С жемчужным, стальным,
        серебристым отливом...
Прекрасны от серого все производные.
Воистину серый бывает красивым!

И налечники витые —
        тоже словно мёд.
С нами нынче все святые.
        Вот он, крестный ход!

Воспевает дьякон трубно –
 эхо по полям.
 Слава Богу! Слава пчёлам,
 травам и цветам!
 Деревянный храм Господень –
 кружево, янтарь...
 Цвета мёда стены, купол
 и святой алтарь.
 Как пронзительна сегодня
 небосвода синь!
 Здравствуй, Спас святой, медовый!
 С праздником! Аминь.

МАРИОНЕТКА

Судьба вцепилась в глотку
 хваткой крепкой,
 Но стать в её клешнях марионеткой
 Немыслимо. Не тот удел – эстрада,
 Кривлянье на подмостках...
 Значит, надо
 Кинжалом острым резать лески, нити.
 Других себе болванчиков ищите,
 Презренные, все в чёрном, кукловоды,
 Тюремщики подвешенной свободы.
 Ищите среди мелочного сброда,
 Разбейте лоб о твёрдую породу.
 Из мягкой и податливой прослойки
 Получится послушный,
 вёрткий, бойкий
 Паяц на все желания и вкусы.
 Таким манипулировать искусно
 Всегда помогут палки-перекрестья.
 Плясать под ваши руки – много чести!
 Во весь опор и дух – от вас подальше,
 От лживой театральности и фальши.
 Свобода на века!
 Лишь выстрел меткий
 Прервёт побег былой марионетки.

СТУПЕНИ

Вверх по ступеням,
 к высотам заоблачным
 (Волосы ветром высотным
 всклокочены)

Лезем, взбираемся к счастью
 карьерному,
 Замыслы холя свои безразмерные.
 Нужно стабильное существование,
 Отдыху, творчеству – шири
 бескрайние,
 Дом полной чашей, престиж,
 положение...
 Медленно, верно вершим восхождение.
 Выше и выше, карабкаясь, мучаясь,
 Одолеваем все новые кручи мы.
 К звездам дорога лежит через тернии.
 С каждой ступенью мы высокомернее.
 Губы презрительно скривлены ижицей.
 Долгий поток вверх по лестнице
 движется.
 Там, наверху, не до преданно
 любящих.
 Ризы сияют парчой вместо рубища,
 И власяница – истоки забытые –
 Меркнет пред яркими славы
 софитами.
 Шаткой становится изредка лестница.
 Страшно и жутко – ведь можно
 и сверзиться!
 Где-то внизу, в одиночестве
 длительном,
 Молча тоскуют о детях родители.
 Там, у подножья, осталось все личное.
 (С нижнего ракурса ты симпатичнее!)
 Детям оставив свои накопления,
 Сгинем в веках среди праха и тления.

*Игорь
Алексеев*

* * *

Люби врага за то, что он не вечен:
 И дни его, и ночи сочтены,
 И близок Божий Суд, а он беспечен.
 За нелюбовь мы все обречены.

Люби врага, пока еще есть время,
Прощай обиды и не помни зла,
Чтобы не стать пред Богом
вместе с теми,
Чьи души злоба черная сожгла.
Любовь превыше всякого закона,
А ненависть карается огнем.
Люби врага без ропота и стога,
И, может, друга обретешь ты в нем.

* * *

Войди во Храм, хотя бы мимоходом.
Сердечной тяги силой не глуши.
И возопят потерянные годы,
Что жизнь без веры – тело без души.
Легко дышать прощеньем и покоем,
Благоуханной радостью икон.
Оставь, душа, надежды на земное
И возлюби святое испокон.
Забудь навеки прежнюю дорогу,
И узришь путь – он у тебя внутри:
Гори свечой, возлюбленной Богом,
И свет небесный ближнему дари.

* * *

Когда заплаканная осень
Зажжет прощальные костры,
И, обнажая ветви, бросит
Печаль в притихшие дворы,
Когда затянет небо серым
И перепутает пути,
Зажги свечу весенней веры
И одиночество прости.
Оно тебя не потревожит:
Ведь ты немного любишь грусть.
Благому дню, что тихо прожит,
Душа порадуеться пусть.
От суеты сует лекарство –
Святая сердца тишина
И позолоченное царство
Немого сада у окна.

Из цикла "Голгофа"
БЕГСТВО УЧЕНИКОВ

Ученики... Куда вы разбежались,
И что за сила вас разогнала,

Когда вы за Кедром устыжались
Того, Чья вера к Небу вас вела?
Не так давно вы пили с Ним из Чаши,
И был так сладок
преломленный Хлеб.
Ученики... как оказался страшен
Конец недолгой жизни на земле!
Пришла толпа, гремющая дрекольем,
И жаждущие крови среди них.
Каким теперь спастись
богомольем,
Когда мелькают копья и огни?
Хоть ухо Малха меч срезает острый,
Уже назад, назад вы подались,
И прежде, чем отрелкся
трижды Петр,
Вы все здесь, в Гефсимане,
отрелклись.
И мы бежим, бежим, куда не зная,
Как только видим тень Его Креста.
Путь труден до обещанного рая,
И так тепло насижены места!
Но тот же Путь и нам был
предначертан,
Как всем, что в Гефсимане
разбрелись,
Чтобы потом, наедине со смертью,
И мы от Божьих слов не отрелклись.

* * *

Свои не приняли Тебя,
А Ты ходил, босой и бедный,
О душах грешников скорбя,
И собирал чужие беды.
Свои не приняли Тебя,
А Ты молил Отца благого,
Весь мир потерянный любя,
И не искал пути другого.
Свои не приняли Тебя,
Веками ждавшие спасенья,
А Ты дарил всего себя,
Как дарит солнце луч весенний.
Ты был любовь и простота,
Никто Тебя смиренней не был,
И путь от яслей до креста
Навеки стал дорогой в небо.

*Николай
Кулигузкин*

Нет, не играл симфоний ты,
Концертные не видел залы,
Но следуя на зов мечты,
Звучал частенько по вокзалам.

И где-то в маленькой пивной
Ты поднимал народ чечёткой,
И слыша крик: «Давай, родной!»,
На корпус брал рюмашку водки.

ДВА РОЯЛЯ

Скатились воды с небосвода,
В июле улучив момент.
И матерится дед Мефодий,
Рояли пряча под брезент.

Ведь говорил же накануне,
Что небо хмурится вокруг,
И зря хозяева дерзнули
Рояли выкатить на луг.

Да новый русский, что морковка:
Ботва пучком и сам торчком,
На шее золота подковка,
И все дела – одним рывком.

Он у соседа на приёме
Рояль увидел, вот те раз...
И нервы дёрнулись на взёме:
Нет! Не настал ещё тот час,

Когда его сосед покруче,
Такое станется едва,
Бабла натянет он до кучи
И на тебе – рояля два!

Вся челядь брошена на дело,
И вот по прихоти "вождя"
Под капель стук остервенелый
Звучит симфония дождя.

СТАРЫЙ БАЯН

Мой старый друг, седой баян,
Промчались годы молодые.
Когда-то был лихой баян,
Любил ты игрища крутые.

Надёжен был натяг ремней,
Бока сверкали перламутром,
И, свет впитав ночных огней,
Ты уходил в сырое утро.

А ныне сморщены ремни,
И в легких меха дыры свищут,
Однообразней стали дни,
Всё реже пальцы кнопки ищут.

Хозяин старый, как и ты,
Шалуньи-музы отзвучали,
Теперь он в сонме дней пустых
Стихи строчит на Литпричале*.

Но, хрипотцу твою любя,
Под вечер, от стихов уставший,
Обнимет нежно он тебя,
И вновь заплачет клён опавший.

СЕРДЦА-ПАРУСА

Есть люди, что могут ходить в небеса,
В груди у них бьются сердца-паруса.
Такие сердца не боятся преград,
Несётся сквозь бури

их стойкий фрегат,

Туда, где закат переходит в рассвет
И шупальцев мглы наползающей нет,
Где ярко над мачтой сияет звезда,
Где подлость и ложь

не живут никогда,

И я, ухватившись за отблеск огня,
Кричу им: «Хоть юнгой,

возьмите меня!»

* Литпричал – один из популярных поэтических сайтов.

В СТОЛЯРНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Ах, как пахнет в мастерской
 свежеею доскою,
 Будоражит голову запахом тайги!
 В этом запахе – леса шепчутся листвою,
 Грозвые капельки, тихий шум реки.

Доску трогаешь рукой,
 чувствуешь волнение,
 Есть в ней тайна скрытая,
 как в ночной звезде.
 Жизнь уснувшая внутри
 жаждет пробужденья,
 Замерев, красавица ждёт своих чудес.

И подходит мастер к ней,
 открывая сказку,
 Ключ найти пытается в линиях доски,
 Лабиринт запутанный
 сам даёт подсказку,
 Мудрый догадается,
 как секрет раскрыть.

Найдено решение, началась работа,
 Отлетает в сторону грязь и шелуха.
 Побелело дерево, обнажив красоты,
 Расцвело текстурою в опытных руках.

Смолкой капнула в ладонь
 жёлтая слезинка,
 Теплотой весенних дней светится она.
 Утра солнечного луч
 вышел на разминку,
 Филигранно прыгая по стеклу окна.

Хороша собою дверь
 из брусков сосновых.
 Циклею очищена, гладкая, как лёд.
 Чей-то новый дом к себе ждёт
 хозяев новых,
 Штрих последний завершён,
 «сторож» встал на вход.

Щиплют красочный костюм
 блики светотеней –
 Это лак палитрою дверь одел в наряд.
 Ювелирно кисть прошла,
 и с мазком последним
 Яхонтовой радугой все цвета горят.

Вагим

Син

* * *

В нефритовой пещере,
 где персики цветут,
 Загадочные дети к самим себе бегут.
 Смеются без причины
 и плачут без причин –
 Душой, как белый лотос,
 как сладкий мандарин.

* * *

Они никуда не спешат,
 Стоят в окруженье зелёном,
 Счастливые, вдоль Иртыша –
 Загадочным ленточным бором.

* * *

На белой, тончайшей бумаге зимы
 Дерев иероглифы чёрные.
 Читаю,
 Пьянея,
 От строчек восьми
 Стихов,
 Никем не прочтённых.

